

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 +
85.15(2)6

РИСУНКИ ЕСЕНИНА КАК ЧАСТЬ РЕАЛЬНОГО КОММЕНТАРИЯ К ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

© 2018 г. Н.И. Шубникова-Гусева

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 12 декабря 2017 г.

Дата публикации: 25 июня 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-288-309

Статья выполнена по гранту РФФИ «С.А. Есенин в литературе и культуре России и зарубежья: Новые материалы» (проект №17-04-00166)

Аннотация: В работе впервые рассматриваются рисунки Есенина в статье «Ключи Марии» (1918) и на полях чернового автографа драматической поэмы «Пугачев» (1921) как часть реального комментария к этим произведениям. Рисунки букв как часть текста «Ключей Марии» одновременно служат ключом к пониманию автором букв русского алфавита как азбуки познания человеком себя в окружающем мире. Литературно-исторический контекст этих рисунков Есенина идет не только от бесед с Андреем Белым, но полемически восходит к идеям футуристов, в частности, А. Крученых, В. Хлебникова и др., а также К. Бальмонта. Рисунки на полях чернового автографа «Пугачева», особенно рисунок «Колосья», подчеркивает связь героев поэмы с властью земли, с земледельческим трудом, с ржаным колосом, которые вызывают ассоциации с произведениями Г.И. Успенского «Крестьянин и крестьянский труд» (1880) и «Власть земли» (1887). Есенин особо выделял циклы этих статей в творческом наследии Успенского, о чем свидетельствует его отзыв <«О Глебе Успенском»>. Выраженные Г.И. Успенским идеи полемически отразились на идейно-художественном решении и образно-метафорической системе средств «Пугачева» и «Ключей Марии».

Ключевые слова: С.А. Есенин, рисунки, статья «Ключи Марии» (1918), азбука, «Пугачев» (1921), <«О Глебе Успенском»>, Г.И. Успенский.

Информация об авторе: Наталья Игоревна Шубникова-Гусева — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: shubnikova-gus@mail.ru

Для цитирования: Шубникова-Гусева Н.И. Рисунки Есенина как часть реального комментария к его произведениям // *Studia Litterarum*. 2018. Т. 3, № 2. С. 288–309. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-288-309

YESENIN'S DRAWINGS AS PART OF THE "REAL" COMMENTARY TO HIS WORKS

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2018. N.I. Shubnikova-Guseva
*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
Received: December 12, 2017
Date of publication: June 25, 2018

Acknowledgements: The essay is the result of the research supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) "S.A. Yesenin in Russian Literature and Culture and Abroad: New Materials" (project no N^o17-04-00166).

Abstract: For the first time, the paper discusses the drawings by Yesenin in his article "Mary's Keys" (1918) and on the margins of the autograph of the dramatic poem *Pugachev* (1921) considering them as part of the commentary on these works. The figures of letters in "Mary's Keys" serve as a key to Yesenin's understanding of the letters in the Russian alphabet and their literary-historical context. Yesenin considers Russian alphabet or any alphabet not only as a set of letters arranged in a particular order, but also treats it in figurative sense, like the ABC of self-knowledge in the world. The figurative meanings of Yesenin's drawings in "Mary's Keys" trace back to his conversations with Andrey Bely, to the ideas of such futurist poets as A. Kruchenykh's, V. Khlebnikov's and others, and to the ideas of K. Balmont's. The drawings in the margins of the *Pugachev* autograph, especially the picture "The Ears of Rye," associate the characters of the poem with the power of the earth, agricultural labor, the ear of rye, and relate them to the works of G. I. Uspensky *Peasant and Peasant Labor* (1880) and *The Power of the Earth* (1887). Yesenin singled out these series among the literary heritage of Uspensky, as is evidenced in his review <"About Gleb Uspensky">. The essay therefore argues that Uspensky's ideas influenced both ideology and figurative language of the poem *Pugachev*.

Keywords: S. A. Yesenin, drawings, article "The Keys of Mary" (1918), alphabet, *Pugachev* (1921), <"About Gleb Uspensky">, G. I. Uspensky

Information about the author: Natalya I. Shubnikova-Guseva, DSc in Philology, Director of Research A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: shubnikova-gus@mail.ru

For citation: Shubnikova Guseva N.I. Yesenin's Drawings as Part of the "Real" Commentary to His Works. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 2, pp. 288–309. (In Russ.)
DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-288-309

По словам С.А. Толстой-Есениной, Есенин рисовал очень редко. Толстая-Есенина вспоминала о детских рисунках поэта: «Он мне рассказывал, что его отдали учиться к какому-то иконописцу и тот его все заставлял носы рисовать. Это было так скучно, что Сергей ушел от него и научился рисовать только носы. С.Е.»¹. Тем не менее на известном, воспроизведенном в Полном собрании сочинений С.А. Есенина портрете постоянного посетителя кафе «Стойло Пегаса» художника Дид Ладо, датированном 1919–1920 гг., имеется запись самого поэта: «В первый раз рисовал в своей жизни по Лику Дид Ладо»² [14, с. 71–72]. Сохранилось еще несколько рисунков, сделанных поэтом: рисунок к поэме «Сельский часослов» (1918)³, воспроизведенный в Полном собрании сочинений в комментарии [10, с. 401], рисунки букв в тексте «Ключей Марии» (1918), рисунок «Под сим крестом...»⁴ [14, с. 114–115], и рисунки на полях чернового автографа драматической поэмы «Пугачев» (1921)⁵.

Немногочисленные известные рисунки Есенина как часть реального комментария к его произведениям специально не рассматривались. Между тем они дают важный материал для понимания текста и контекста его произведений. В связи с этой темой рассмотрим рисунки букв в тексте статьи «Ключи Марии» (1918) и авторские рисунки-иллюстрации к драматической поэме «Пугачев» (1921).

Рисунки букв в статье «Ключи Марии» Есенин вводит в текст рукописи, которая в настоящее время находится на хранении в Рукописном Отделе

1 ОРФ МИРЛ им. В.И. Даля (ГЛМ). Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 279. 2 лл. Б/д.

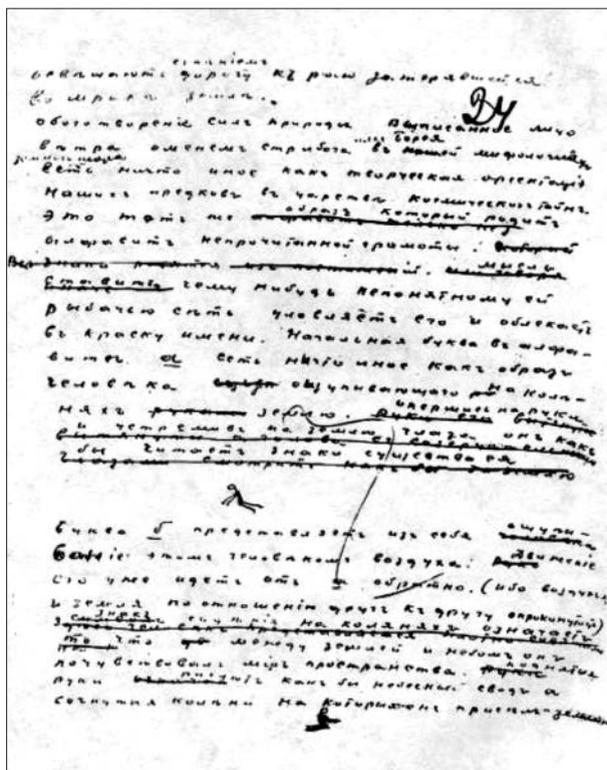
2 РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 1. Ед. хр. 139.

3 РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 39–44.

4 ОР ИМЛИ. Ф. 32. Оп. 6. Ед. хр. 26; Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 2.

5 РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 1. Ед. хр. 24. 58 л.

Института мировой литературы РАН⁶. Это случай, когда рисунки являются частью текста и одновременно служат реальным комментарием к пониманию автором букв русского алфавита. Тем не менее они не были воспроизведены в прижизненном издании, видимо, из-за полиграфических трудностей. В Полном собрании сочинений эти рисунки воспроизведены по рукописи. Они расположены в части текста, посвященного национальному алфавиту,

Фрагмент автографа С.А. Есенина «Ключи Марии».
ОР ИМЛИ Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 24.
Fragment of Yesenin's autograph "Mary's Keys" (IWL RAS)

который Есенин называет «алфавитом непрочитанной грамоты» или азбукой. Есенинская азбука имеет два значения: 1) совокупность букв, распола-

6 ОР ИМЛИ. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 56. 44 л.

гаемых в установленном порядке, алфавит; 2) в переносном смысле — основные, простейшие начала науки познания человеком себя в окружающем мире. Азбука познания. В определении букв алфавита проявляется мировоззрение Есенина и философия его отношения к миру и человеку. Каждая из букв иллюстрирует текст, изображая человека в той или иной позе, которая является шагом в осознании себя и познании мира:

«Начальная буква в алфавите **а**, — пишет Есенин, — есть не что иное, как образ человека, ощупывающего на коленях землю. Опершись на руки и устремив на землю глаза, он как бы читает знаки существа ее.

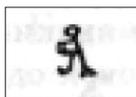
Буква **б** представляет из себя ощупывание этим человеком воздуха. Движение его уже идет от **а** и обратно. <...> Поднятые руки рисуют как бы небесный свод, а согнутые колени, на которые он присел, — землю.

Прочитав сущность земли и почувствовав над нею прикрытое синим сводом пространство, человек протянул руки и к своей сущности. *Пуп* есть узел человеческого существа, и поэтому, определяя себя или ощупывая, человек как-то невольно опустил свои руки на эту завязь, и получилась буква **в**

Дальнейшее следование букв идет с светом мысли от осознания в мире сущности. Почувствовав себя, человек подымается с колен и, выпрямившись, протягивает руки снова в воздух. Здесь его движения через символы знаков, тех знаков, которыми он ищет своего примирения с воздухом и землей, рождают весь дальнейший порядок алфавита, который так мудро оканчивается фигурой буквы **я**. Эта буква рисует человека, опустившего руки на пуп (знак самопознания), шагающим по земле. <...>

Через этот мудро занесенный шаг, шаг, который оканчивает обретение нашей грамоты, мы видим, что человек еще окончательно себя не нашел. Он мудро благословил себя, с скарбом открытых ему сущностей, на

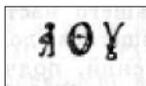
вечную дорогу, которая означает движение, движение и только движение вперед» [11, с. 199–200].

Каждая буква для Есенина — новая ступень познания, примирения с воздухом и землей, соединение небесного и земного, божественного и человеческого. Слагаемость, рождающая лицо звука, лицо движения пространства и лицо движения земного, слагаемость противоположностей как закон диалектики проявляется, по мысли Есенина, и в грамоте познания. Если человек постигнет «тайну гласных и согласных, в спайке которых скрыта печаль земли по браку с небом», то ему откроется «тайна, самая многозначная и тончайшая тайна той хижины, в которой крестьянин так нежно и любовно вычерчивает примитивными линиями явления пространства» [11, с. 200].

Так Есенин раскрывает секрет своего органического таланта: он сознательно строит свой поэтический образ по законам единства и борьбы противоположностей, по законам самой природы. Так воспринимает он и русскую азбуку, которая обучает человека грамоте. «Люди, — пишет Есенин, — должны научиться читать забытые ими знаки. Должны почувствовать, что очаг их есть та самая колесница, которая увозит пророка Илью в облака. Они должны постичь, что предки их не простыми завитками дали нам фиту и ижицу. Они дали их нам как знаки открывающейся книги в книге нашей души» [11, с. 203].

По наблюдению С.А. Серегинной, «Есенин обнаруживает, что русский алфавит хранит тайну “световых скрещиваний” и космического предназначения человека». Эта тайна скрыта в буквах **я**, **фита** и **ижица** [19, с. 75].

«Человек по последнему знаку отправился искать себя, — пишет Есенин. — Он захотел найти свое место в пространстве и обозначил это пространство фигурой буквы **Θ**. За этим знаком пространства, за горою его северного полюса, идет рисунок буквы **V**, которая есть не что иное, как человек, шагающий по небесному своду. Он идет навстречу идущему от фигуры буквы **я** (закон движения — круг).

Волнообразная линия в букве **Θ** означает место, где оба идущих должны встретиться. Человек, идущий по небесному своду, попадет голо-

вой в голову человеку, идущему по земле. Это есть знак того, что опрокинутость земли сольется в браке с опрокинутостью неба [11, с. 203].

Рисунки букв в «Ключах Марии» наглядно раскрывают понимание автором каждой буквы как нового шага в познании человеком себя и мира по законам природы и стремление поэта следовать этим законам в своем поэтическом творчестве. Вместе с тем они помогают дополнить реальный комментарий тем контекстом, в котором рождались идеи создания «новой азбуки», столь популярные в первой четверти XX в. Эти поиски сопрягались с поиском нового поэтического языка и нового слова. В комментариях к «Ключам Марии» справедливо отмечено, что Есенин воспринял идеи своих современников: А. Блока, Н. Клюева, А. Белого и Иванова-Разумника прежде всего из личного общения [11, с. 437, 475–476]. В частности, трактовка начертаний букв русского алфавита в соответствии с человеческими позами, — по мнению С.И. Субботина, — восходит к беседам Есенина с Андреем Белым осенью 1917 г. в Царском Селе, когда последний работал над «поэмой о звуке» «Глоссолалия» (Берлин, 1922); значение — говорить, связанное с мистическими поисками верующих, и имеет с ними типологическое сходство. Но работа А. Белого была издана в 1922 г., а «Ключи Марии» написаны в 1918. «Глоссолалия» отличалась от есенинской статьи рисунками букв (у А. Белого — звуков).

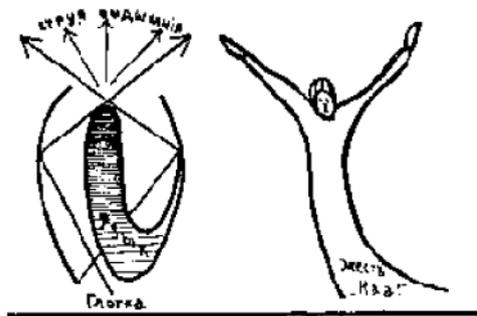
Обратим внимание на то, что Андрей Белый в «Глоссолалии» цитирует строки из стихотворения Есенина «Твой глас незримый, как дым в избе...» (1916), написанного Есениным до знакомства с Андреем Белым и в подтверждение своих рассуждений под обаянием есенинских строк изображает жесты звуков. А. Белый дважды цитирует есенинские строки: в начале «поэмы» и в конце со ссылкой на имя автора, так, что они образуют кольцевую композицию. Первая цитата завершает 6-ю главку (всего их 72) и состоит из 6 строк:

Рудою солнца посеян свет,
Для вечной правды названья нет.

Считает время песок мечты,
Но новых зерен прибавил ты. <...>

На крепких сгибах воздетых рук
Возводит церкви строитель звук. [8, с. 102]

Последние две строки этой цитаты А. Белый приводит в конце своей работы. Нетрудно заметить, что схемы изображения звуков (а не букв!) А. Белым созданы под влиянием процитированных им строк Есенина и, по сути, являются их иллюстрацией (см. изображение «воздетых рук» на схеме, изображающей звук Н или ра ниже на рис.) [2, 14; 5].

Кроме того, важен еще один существенный, уже упомянутый нами момент: А. Белый пишет о звуках, Есенин о буквах. В неотправленном письме Иванову-Разумнику (май 1921, Ташкент), например, Есенин уточняет: «язык наш звучащих имеет всего 29 букв» [12, с. 124].

Обращаем внимание также на то, что «Глоссолалия» А. Белого, по словам автора, «есть звуковая поэма. Среди поэм, мной написанных («Христос Воскресе» и «Первое Свидание»), она — наиболее удачная поэма. За таковую и прошу я ее принимать» [2, с. 10]. Есенин пишет «Ключи Марии» в жанре теоретической статьи, где ведет профессиональную полемику с учеными этнографами и фольклористами.

Нельзя не заметить, что литературно-исторический контекст рисунков Есенина в «Ключах Марии» очень широк и идет от Кирилла и Мефодия. Концепцию рождения русской азбуки и алфавита Есенин строит не только под влиянием бесед с Андреем Белым, но подспудно — на орнаментальных буквицах древне-русских рукописных книг (во множестве воспроизведенных в работах Ф.И. Буслаева (1917) и в атласах В.И. Бутовского (1870) и В.В. Стасова, с которыми открыто полемизирует [11, с. 448–500]).

С.М. Городецкий справедливо отметил, что в книге «Ключи Марии» Есенин «подходит вплотную ко всем идеям дореволюционного Петербурга» [6, с. 183]. Большой интерес представляет сравнение есенинской теории искусства, в том числе азбуки, с идеями футуристов, в частности, А. Крученых, В. Хлебникова и др., а также К. Бальмонта. С этими поэтами Есенин тоже неоднократно встречался, участвовал в общих мероприятиях, особенно часто с Хлебниковым, который сотрудничал с имажинистами и приветствовал их творчество. По мнению Н.И. Харджиева знакомство Есенина с Хлебниковым относится к концу 1917 г. В записной книжке Хлебникова 1916–1918 гг. имеются записи, датируемые маем 1918 г.: «...Есенин... Казань ехать с Есениным... Есенину статьи...» [26, с. 413]. Совместная поездка с Есениным в Казань не состоялась, а совместное выступление В. Хлебникова с имажинистами состоялось 19 апреля 1920 г. в Харькове. В имажинистском сборнике «Харчевня зорь» опубликовано стихотворение Хлебникова «Москвы колымага», в котором упоминаются А.Б. Мариенгоф и Есенин. См. также фото С.А. Есенин и В.В. Хлебников; фото С.А. Есенин, А.Б. Мариенгоф, В.В. Хлебников (оба 1920 г., Харьков) и т. д.

Диалог с Хлебниковым отмечен современниками. И.В. Грузинов вспоминал, что Есенин в выступлении на суде над современной поэзией в Политехническом музее 16 ноября 1920 г. доказывал, что словотворчество Хлебникова «ничего общего с историей развития русского языка не имеет» [7, с. 368–369], что оно произвольно и хаотично. Между тем, передавая свое впечатление от выступления Есенина 3 апреля 1919 г., когда поэт забирался «в дебри филологии» и «междупланетных рассуждений», В. Шершеневич в мемуарах заметил: «...весьма возможно, что в рассуждениях Есенина было не меньше научной истины, чем в исканиях Хлебникова, и уж во всяком случае больше, чем в обычных томах и статьях по поэтике» [18, с. 565–566].

В связи с Есенинской азбукой важно обратить внимание на работы В. Хлебникова и А. Крученых «Слово как таковое» и «Буква как таковая», написанные в 1913 г. Несомненно, Есенин их знал. Первая была тогда же опубликована, вторая широко известна по устным выступлениям.

Есенин читал, скорее всего, и критику этих работ. «Самым отчаянным образом, — писал И. Бодуэн-дэ-Куртенэ, — смешиваются буквы русского алфавита со звуками живой речи, смешивается написание с произ-

ношением. Этим только можно объяснить предлагаемые “будетлянами” стихотворения (?) из одних гласных:

е у ы

о а а

н е е и

а е е ъ <ер>

или же из одних согласных: р л м к т р г... <...>

Каково отношение между “буквами” и “звуками”, т. е. между видимым и слышимым в языке, можно узнать хотя бы из моей книжки “Об отношении русского письма к русскому языку” (Пб., 1912), где этот вопрос поставлен на единственно допустимую психологическую точку зрения. Но для г.г. “будетлян” это необязательно. Они выше предрассудков науки» [3, с. 289–290].

Есенин также не мог принять смешения букв русского алфавита со звуками русской речи. Хлебников употребляет выражение «звуки азбуки», а Есенин различает буквы и звуки, для него буквы — «знаки выражения духа» и «знаки для выражения звука» [11, с. 194]. Есенина заботят идеи национального алфавита и национальной азбуки. Он не может рассматривать буквы и звуки независимо от того, в какой язык они входят. И в этом принципиальное отличие теории Есенина и А. Белого.

Уже после написания статей «Ключи Марии» и «Отчее слово» (1918) Хлебников в работе «Наша основа» (раздел «Утверждение азбуки») пишет о согласных и гласных звуках, а в статье «Художники мира!» (1919) дает определение азбуки, как краткого словаря, определения буквам (звукам) и излагает мысли «о дереве особой буквенной жизни» [27, с. 619–622]. Здесь же дает рисунки букв (звуков), не похожие на есенинские. Если у Есенина каждая буква — поза человека, познающего мир, то у Хлебникова просматривается сходство с геометрическими фигурами. Но есть общее — их рождение в пространстве.

Несомненно, есенинский алфавит, определения и рисунки букв сложились в полемике не только с работами В. Хлебникова, но и К. Бальмонта «Поэзия как волшебство» (1916), книги которого: Собрание лирики, том 5: «Будем как солнце: Кн. символов» (М., 1918), а также: «Белые зарницы: Мысли и впечатления» (СПб., 1908); «Морское свечение» (СПб., <1910>); Шота Руставели «Носящий барсову шкуру» в пер. К. Бальмонта (М., 1917) были в библиотеке Есенина [21, с. 342, 344, 347].

Одним из аргументов полемики не только Есенина, но и других имажинистов с Хлебниковым и Бальмонтом, является статья А. Мариенгофа «Изношенная калоша: О футуризме», где высмеяны эти два мэтра русской поэзии. Есенин был хорошо знаком с ее содержанием, так как здесь же напечатано его стихотворение «А. Кусикову» («Душа грустит о небесах...»).

Бальмонт объявил слово чудом и обратил внимание на букву. «Каждая буква нашего алфавита, — пишет он, — каждый звук человеческой нашей речи, будь она Русская или Эллинская, Китайская или Перуанская, есть малый колдующий эльф и гном, каждая буква есть волшебство, имеющее свою отдельную чару...» [1, с. 52–53]. В поле зрения Есенина были основные положения этой работы: «Небо вверху и Море внизу... Весь мир есть соответствие, строй, лад, основанный на двойственности...». «Заклинательное слово есть Музыка, а Музыка сама по себе есть заклинание» [1, с. 6] (ср. слова Есенина о заклинателях змей, знающих действие музыки, и пастухах, играющих на рожке коровам, в статье «Быт и искусство» [11, с. 216]).

Бальмонт вспоминает свою детскую азбуку, малый букварь, который был ему первым вожатым «в бесконечные лабиринты человеческой мысли» [1, с. 57] и подробно разбирает буквы (звуки). Каждая из них говорит с ним «отдельно», так же воспринимает буквы Есенин. Совпадает мировой контекст работ, упоминаемых Бальмонтом и Есениным. Бальмонт упоминает вещи речения древних, «Эдду», власть заклинания, заполняющее поэму финнов, «Калевалу», где колдует Вэйнемэйнен [1, с. 49]. Есенин противопоставляет слова о пастухе и тростинке из сказки о серебряном блюдечке и наливном яблочке Вейнемейнену с его певучими гуслими и явно полемически к словам Бальмонта строит фразу — «Без всякого Йовуллы и Вейнемейнена наш народ через простой лик безымянного пастуха открыл две скрытых силы воздуха вместе» [11, с. 190]. Есенинская азбука отражает не только мировоззрение и поэтику автора, но и вписывает его размышления в богатый литературный контекст от М.В. Ломоносова до поэзии Серебряного века, показывая и оттеняя «крайнюю индивидуальность» Есенина.

* * *

Другой сюжет и другие проблемы возникают при комментировании рисунков, которые автор не считает составной частью текста, но иллюстрирует ими текст. Такие иллюстрации встречаются в черновом автографе драматической поэмы «Пугачев». Это самый большой по объему автограф в творческом наследии Есенина является объектом нашего внимания потому, что содержит на полях рукописи седьмой и восьмой глав, посвященных поражению крестьянского восстания, иллюстрации к тексту. Причем все рисунки выполнены, как и весь автограф, карандашом по ходу написания текста и датируются временем работы над этими главами — июнем-августом 1921 г. Характерно, что рисунки появляются не в беловом, а в черновом автографе, который соответствует творческой, наиболее эмоциональной стадии работы над текстом.

До недавнего времени был известен лишь один рисунок с подписью «Колосья». На самом деле на полях рукописи оказалось еще четыре рисунка, три из которых стерты автором, но неплохо просматриваются [14, с. 85–88]. Первый стертый рисунок с подписями «Луна белая <?> Иван смотрит <?>» представляет собой фигуру человека, смотрящего на луну. Рисунок расположен на л. 50, против монолога Бурнова (с. 747–769) и соотносится со словами монолога Бурнова: «Жалко солнышко мне, жалко месяц ...».

Второй стертый рисунок, исполненный на полях 7-й главы, подписан: «Окно». Изображает окно на листе 51-м, против монолога Творогова (ст. 783–799). Иллюстрирует слова Творогова (ст. 793): «Там в окно твое тополь стучится багряными листьями» [9, с. 44]. Третий стертый рисунок исполнен на полях 8-й последней главы под названием «Конец Пугачева», л. 55, против текста первого монолога Крямина. (ст. 857–898). Рисунок подобен рисунку «Колосья». Можно разглядеть неясный контур колосьев, с подписью «Рожь» <1 сл. нрзб.>. Пятый по счету рисунок, изображающий крылья птицы, похожие на крест, иллюстрирует страшное предзнаменование поражения восстания, которое дважды приносят черные птицы в главе 4-й «Происшествие на Таловом уме»: «Черным крестом в воздухе / Проболтнется шальная птица» [9, с. 24].

Все рисунки и подписи к ним имеют важное значение для понимания творческой мысли автора. Прежде всего, хотелось бы обратить вни-

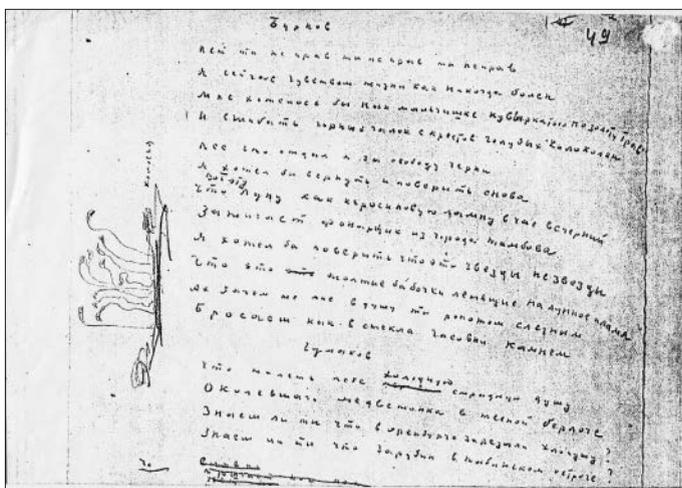
мание на то, как расположены эти рисунки и в связи с этим на сходство рукописи «Пугачева», одной из самых пушкинских поэм, которая создавалась в диалоге с автором «Истории пугачевского бунта», по его примеру Есенин совершил даже поездку по местам, охваченным восстанием.

Особенно выразительным и содержащим богатые ассоциативные связи с текстом является известный рисунок с подписью «Колосья» (л. 49), против монолога Бурнова из седьмой главы (ст. 724–735). Этому рисунку жена поэта, С.А. Толстая-Есенина, посвятила комментарий: «На полях черновой рукописи “Пугачева” Есенин набросал рисунок: несколько растущих стеблей ржи с верхушками, выгнутыми от тяжести колоса, но вместо колосьев нарисовал головки лебедей». Этот комментарий С.А. Толстая-Есенина дала к стихотворению «Песнь о хлебе», считая, что оно написано одновременно с работой над «Пугачевым» «во время поездки Есенина в Среднюю Азию в 1921 году» [9, с. 460–461]. Однако «Песнь о хлебе» написана до 26 февраля 1921 г. — до 26 февраля вышел в свет сборник «Звездный бык» с первой публикацией ее текста [8, с. 566]. 26 февраля была сделана дарственная надпись на сборнике — И.Н. Розанову [13, с. 136].

Итак, Толстая-Есенина ошиблась в датировке «Песни о хлебе», но своим комментарием обратила внимание на сходство мотивов поэмы и стихотворения, отражающего трагедию человеческого существования. Рисунок «Колосья» действительно содержит образное сравнение колосьев с головами лебедей и является иллюстрацией к тексту «Песни о хлебе»:

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл страдания людей.
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей [8, с. 151].

Но рисунок «Колосья» непосредственно связан и с текстом драматической поэмы, потому что здесь звучат те же мотивы, в 3-й главе под названием «Осенней ночью» Пугачев говорит, обращаясь к восставшим крестьянам:

Фрагмент 49 листа чернового автографа поэмы С.А. Есенина «Пугачев» с рисунком «Колосья» (РГАЛИ)

Fragment of the 49th page of Yesenin's draft autograph "Pugachev" with a drawing "Ears" (The Russian State Archive of Literature and Arts)

Бедные, бедные мятежники,
Вы цвели и шумели, как рожь.
Ваши головы колосьями нежными
Раскачивал июльский дождь [9, с. 22].

Сравнение крестьян с рожью, отраженное в рисунке на полях чернового автографа «Пугачева», дает возможность расширить реальный комментарий к поэме новыми данными. Не будет преувеличением назвать этот рисунок иллюстрацией к статьям Г.И. Успенского «Крестьянин и крестьянский труд» и «Власть земли», которые Есенин особо выделял в творческом наследии этого писателя. Говоря о крестьянстве, Успенский постоянно подчеркивает его связь с властью земли, с земледельческим трудом, с ржаным колосом. Характерно, что подобные ассоциации крестьян с засеянной полосой и ржаным колосом вызвали эти статьи у Л.Д. Троцкого, работами которого поэт также интересовался. «Все поступки мужика, — писал Троцкий в некрологе «Глеб Иванович Успенский», — исходят от ржаного колоса, все мысли его состоят под контролем засеянной полосы» [23].

Отношение Есенина к выдающемуся писателю-народнику, творчество которого он ценил и хорошо знал, раскрывает его запись <<О Глебе Успенском>> (1915). «Когда я читаю Успенского, — писал Есенин, — то вижу перед собой всю горькую правду жизни. Мне кажется, что никто еще так не понял своего народа, как Успенский. Идеализация народничества 60-х и 70-х годов мне представляется жалкой пародией на народ. Прежде всего там смотрят на крестьянина, как на забавную игрушку. Для них крестьянин — это ребенок, которым они тешатся, потому что к нему не привилось еще ничего дурного. Успенский показал нам жизнь этого народа без всякой рисовки. Для того чтобы познать народ, не нужно было ходить в деревню. Успенский видел его и на Растеряевой улице. Он показал его не с одной стороны, а со всех. И смеялся Успенский не так, как фальшивые народники — над внешностью, а над сердцем своей правдивой душой, горьким словом Гоголя» [11, с. 234].

Свои слова об идеализации народничества из наброска статьи о Глебе Успенском, Есенин напомнит почти через десять лет в своей самой крестьянской поэме «Анна Снегина», где ее автор-рассказчик говорит:

Я понял, что я — игрушка,
В тылу же купцы и знать,
И твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать [9, с. 160].

Историю текста об Успенском рассказал петроградский журналист Л.М. Клейнборт, который в 1915 г. заинтересовался, «под каким углом зрения» воспринимает Есенин русских писателей Горького, Короленко, Льва Толстого, и Глеба Успенского. «Но оригинальнее всего, — вспоминал Клейнборт, — он отозвался об Успенском. По самому воспроизведению деревни он выделял Успенского из группы разночинцев-народников. Как сын деревни, вынесший долю крестьянства на своих плечах, он утверждал, что подлинных крестьян у них нет, что это воображаемые крестьяне. В писаниях их есть фальшь. Вот у Успенского он не видел этой фальши. Особенно пришелся ему по вкусу образ Ивана Босых. Он даже утверждал, что Иван Босых — это он. Ведь он, Есенин, был бы полезнее в деревне. Ведь там его дело, к которому лежит его сердце. Здесь же он делает дело не свое. Иван

Босых, отбившийся от деревни, спился. Не отравит ли и его город своим смрадным дыханием!» [15, с. 171–173].

Как видно из отзыва Есенина и воспоминаний Клейнборта, поэт внимательно читал произведения Успенского «Нравы Растеряевой улицы», «Власть земли», «Крестьянин и крестьянский труд». Тексты двух последних циклов статей Успенского печатались в журнале «Отечественные записки» и вошли в последнее прижизненное издание произведений талантливого беллетриста: Сочинения Глеба Успенского в двух томах (СПб., 1889). Эти произведения имели большое общественное значение и вызвали многочисленные отклики в критике. Поэзия крестьянского труда и зависимость поэтических и нравственных идеалов крестьянина от «власти земли», определяющая строй их жизни и мировоззрения, могут служить комментарием к поэме «Пугачев», как произведению о крестьянском восстании и предательстве.

«В условиях земледельческого труда, — писал Успенский, — почерпает он <крестьянин> философские взгляды; в условиях этого труда работает его мысль, творчество; в этом же труде обретает он освежающие душу поэтические впечатления; на основаниях этого труда строит свою семью, строит свои общественные, частные отношения, и из условий всего этого составляется взгляд на общую государственную жизнь» [24, с. 50].

Есенин разделяет взгляд Глеба Успенского на то, что крестьянское существование, его жизнь и мысли определяются характером земледельческого труда, властью земли. Эту мысль выражает Есенин в своем иносказательном рисунке. «Оторвите крестьянина от земли, — говорит Успенский в цикле «Власть земли», — от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, — добейтесь, чтоб он забыл “крестьянство” — и нет этого народа, нет народного мирозозерцания, нет тепла, которое идет от него» [24, с. 116].

«Песнь о хлебе», которая является своего рода стихотворением-спутником первой большой поэмы Есенина, также «выросла» из сюжета жестокого круговорота природы, обрисованного Глебом Успенским: «Предки, тысячу лет жившие на этом самом месте (и в настоящее время давно распаханное “под овес” и в виде овса съеденные скотиной), даже мысли о том, что каторжный труд из-за необходимости быть сытыми должен быть облегчаем, не оставили своим потомкам; в этом смысле о предках нет ни малейших воспоминаний» [24, с. 20].

Стихотворение «Песнь о хлебе» отражает трагическую жизненную коллизию, а по жанру восходит к иносказанию-притче. Самым местом расположения рисунка Есенин подчеркивает мысль о том, что и драматическая поэма «Пугачев» тоже является притчей. Рисунок «Колосья» появляется на полях рукописи седьмой главы против текста монолога Бурнова, где, в частности, есть слова, обращающие внимание на сквозные евангельские мотивы хлеба и камня, возникающие в «Пугачеве»:

Зачем же мне в душу ты ропотом слезным
Бросаешь, как в стекла часовни, камнем? [9, с. 40–41].

В связи с аналогиями казаки — рожь-хлеб, неоднократно возникающими в тексте и оппозиции хлеб и камень, рисунок «Колосья» акцентирует внимание на евангельском подтексте поэмы, на переключке с евангельскими притчами о предательстве Иуды, о превращении камней в хлеба. Есенин выявляет евангельское значение имени — Петр — камень, которое связано с «твердыней веры» и благодаря оппозиции Емельян — Петр, дает ему дополнительный смысл — хлеб — камень, который является зеркальным отражением евангельской притчи о том, как «камни сии сделались хлебами» (Мф. 4: 3). Пугачев называет имя Петр, означающее камень, которое принял Емельян Пугачев, «чуждым», потому что оно противоречит его природному предназначению — выращивать хлеб.

Положения о сближении идеала красоты и быта народа, о замечательных народных приметах (одна из них упоминается у Есенина и Успенского — «Марья — заиграй овражки, зажги снега» [11, с. 220]), о народном календаре, которые Есенин изложил в статье «Быт и искусство» (1920), также имеют явные переключки с мыслями Г. Успенского о «земледельческих» мыслях крестьян и заслуживают внимания исследователей.

Итак, в заключение можно сказать, что рисунки Есенина выступают реальным комментарием к тексту его произведения. Они содержат важные смысловые акценты, указывают на опорные, наиболее значимые мотивы и образы произведения, содержат ассоциативные связи, обогащающие контекст и, в конечном счете, раскрывают богатый образный подтекст, неявный смысл, который характерен для есенинских произведений, и, в частности, для поэмы «Пугачев». Рисунки букв в тексте «Ключей Марии» и на полях

чернового автографа «Пугачева» помогают выявить новые источники произведений, которые были в поле зрения Есенина в процессе их создания.

Список литературы

- 1 *Бальмонт К.* Поэзия как волшебство. М.: Скорпион, 1916 (на титуле 1915). 100 с.
- 2 *Белый Андрей.* Глоссолалия: Поэма о звуке. Берлин: Эпоха, 1922. 131 с.
- 3 *Бодуэн де Куртэнэ Иван.* К теории «слова как такового» и «буквы как таковой» // Отклики. Приложение к газ. «День». СПб., 1914. № 8 (27 февр.). Цит. по: Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В.Н. Терёхина, А.П. Зименков. М.: Наследие, 1999. С. 289–291.
- 4 *Бурлюк Н.* Поэтические начала // Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В.Н. Терёхина, А.П. Зименков. М.: Наследие, 1999. С. 56–58.
- 5 *Глухова Е., Горшилов Д.* «Глоссолалия» Андрея Белого: черновые варианты и рисунки к тексту // Русская литература XX века. Текстологический временник. Вопросы текстологии и источниковедения / Институт мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 207–217.
- 6 *Городецкий С.М.* О Сергее Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 179–186.
- 7 *Грузинов И.В.* С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 364–379.
- 8 *Есенин С.* Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1 / подгот. текстов и коммент.: А.А. Козловский; науч. ред. А.М. Ушаков. 672 с.
- 9 *Есенин С.* Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1998. Т. 3 / сост. и подгот. текстов Н.И. Шубникова-Гусева; коммент.: Е.А. Самоделова, Н.И. Шубникова-Гусева. 720 с.
- 10 *Есенин С.* Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1997. Т. 4 / сост., подгот. текстов и коммент.: С.П. Кошечкин, Н.Г. Юсов. 544 с.
- 11 *Есенин С.* Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1997. Т. 5 / сост. и коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, Е.А. Самоделова, С.И. Субботин, Н.Г. Юсов. 560 с.
- 12 *Есенин С.* Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1999. Т. 6 / сост. и общ. ред.: С.И. Субботин; подгот. текстов и текстологич. коммент.: Е.А. Самоделова, С.И. Субботин; реальный коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, С.С. Куняев, Г. Маквей, Ю.А. Паркаев, Ю.Л. Про-

- кушев, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов. 816 с.
- 13 *Есенин С.* Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1999. Т. 7. Кн. 1 / сост., подгот. текстов и коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.Г. Юсов. 559 с.
- 14 *Есенин С.* Полн. собр. соч. / Ин-т мировой лит. РАН / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 2000. Т. 7. Кн. 2 / общая ред.: С.И. Субботин; сост., подгот. текстов и коммент.: В.А. Дроздов, А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, С.С. Куняев, Ю.А. Паркаев, Т.К. Савченко, Е.А. Самоделова, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Л.М. Шалагинова, Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов, Ю.Б. Юшкин. 640 с.
- 15 *Клейнборт Л.Ф.* Встречи. Сергей Есенин // Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 168–173.
- 16 *Крученых А., Хлебников В.* Слово как таковое. М., 1913 // Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В.Н. Терёхина, А.П. Зименков. М.: Наследие, 1999. С. 46–49.
- 17 *Крученых А., Хлебников В.* Буква как таковая. Черновик декларации // Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В.Н. Терёхина, А.П. Зименков. М.: Наследие, 1999. С. 49.
- 18 *Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / сост. и указ. имен С.В. Шумихина и К.С. Юрьева; вступ. ст. и коммент. С.В. Шумихина. М.: Московский рабочий, 1990. 735 с.*
- 19 *Серегина С.* «Ключи Марии» С.А. Есенина — «Вечная песня перед мирозданием» // Русская словесность. М., 2016. № 4. С. 67–76.
- 20 *Серегина С.* К творческой истории стихотворения С. Есенина «Под красным вязом крыльцо и двор...» и «Твой глас незримый, как дым в избе» // Русская литература XX века. Текстологический временник. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 442–446.
- 21 *Субботин С.И.* Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже веков: итоги и перспективы. Материалы Межд. науч. конференции, посв. 110-летию со дня рождения С.А. Есенина. Рязань: Пресса, 2006. С. 331–354.
- 22 *Субботин С.И.* О некоторых источниках текста «Ключей Марии» С. Есенина // Русская литература XX века. Текстологический временник. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 231–243.
- 23 *Троцкий Л.Д.* Глеб Иванович Успенский // Восточное обозрение. 1902. № 88 (18 апр.)
- 24 *Успенский Г.И.* Собр. соч.: в 9 т. 1955–1957. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. Т. 5. С. 5–202.
- 25 *Хлебников В.* Наша основа (раздел «Утверждение азбуки») // Сб. Лирень. М., 1920. Цит. по: Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В.Н. Терёхина, А.П. Зименков. М.: Наследие, 1999. С. 63–69.
- 26 *Хлебников В.* Неизданные произведения: Поэмы и стихи. Проза / Велимир Хлебников; ред. и комментарии Н. Харджиева и Т. Грица. М.: Гослитиздат, 1940. 492 с.

- 27 Хлебников В. «Художники мира!» 13 апр. 1919 г. // *Хлебников В. Собр. соч.*: в 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2000–2006. Т. 6 (1). С. 619–623.
- 28 Шубникова-Гусева Н.И. Есенин как теоретик национального искусства (к постановке проблемы) // *Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд. Материалы Межд. науч. конференции* / отв. ред. О.Е. Воронова, А.Н. Захаров. Рязань: Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2005. С. 42–62.

References

- 1 Bal'mont K. *Poeziia kak volshebstvo* [Poetry as magic]. Moscow, Skorpion Publ., 1916 (on the cover 1915). 100 p. (In Russ.)
- 2 Belyi Andrei. *Glossolaliia: Poema o zvuke* [Glossolalia: a poem about the bug]. Berlin, Epokha Publ., 1922. 131 p. (In Russ.)
- 3 Boduen de Kurtene Ivan. К теории “слова как такового” и “bukvy kak takovoi” [On the theory of “word as is” and “letter as is”]. *Otkliki. Prilozhenie k gaz. “Den”* [Replies. An appendix to the newspaper “Den”]. St. Petersburg, 1914, no 8 (27 Febr.). Qtd. in *Russkii futurizm: Teoriia. Praktika. Kritika. Vospominaniia* [Russian futurism: Theory. Practicism. Memoir], eds. V.N. Terekhina, A.P. Zimenkov. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 289–291. (In Russ.)
- 4 Burliuk N. Poeticheskie nachala [Poetic basics]. *Russkii futurizm: Teoriia. Praktika. Kritika. Vospominaniia* [Russian futurism: Theory. Practicism. Memoir], ed. V.N. Terekhina, A.P. Zimenkov. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 56–58. (In Russ.)
- 5 Glukhova E., Gorshilov D. “Glossolaliia” Andreia Belogo: chernoye varianty i risunki k tekstu [Bely’s Glossolalia: drafts and drawings for the text]. *Russkaia literatura XX veka. Tekstologicheskii vremennik. Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia* [20th century Russian literature. Questions in textology and sources], Institut mirovoi literatury. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 207–217. (In Russ.)
- 6 Gorodetskii S.M. О Sergee Esenine [About Sergey Yesenin]. *S.A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [S.A. Yesenin as remembered by his contemporaries: in 2 vols.], intro., ed. and comment. A.A. Kozlovsky. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1986, vol. 1, pp. 179–186. (In Russ.)
- 7 Gruzinov I.V. S. Esenin razgovarivaet o literature i iskusstve [Yesenin discusses literature and art]. *S.A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [S.A. Yesenin as remembered by his contemporaries: in 2 vols.], intro., ed. and comment. A.A. Kozlovsky. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1986, vol. 1, pp. 364–379. (In Russ.)
- 8 Esenin S. *Poln. sobr. soch.* [Complete works], In-t mirovoi lit. RAN, series ed. Iu.L. Prokushev. Moscow, Nauka; Golos Publ., 1995. Vol. 1, ed. and comment. A.A. Kozlovsky; ed. A.M. Ushakov. 672 p. (In Russ.)
- 9 Esenin S. *Poln. sobr. soch.* [Complete works], In-t mirovoi lit. RAN, series ed. Iu.L. Prokushev. Moscow, Nauka; Golos Publ., 1998. Vol. 3, ed. N.I. Shubnikova-Guseva; comment. E.A. Samodelova, N.I. Shubnikova-Guseva. 720 p. (In Russ.)

- 10 Esenin S. *Poln. sobr. soch.* [Complete works], In-t mirovoi lit. RAN, series ed. Iu.L. Prokushev. Moscow, Nauka; Golos Publ., 1997. Vol. 4, ed. and comment. S.P. Koshechkin, N.G. Iusov. 544 p. (In Russ.)
- 11 Esenin S. *Poln. sobr. soch.* [Complete works], In-t mirovoi lit. RAN, series ed. Iu.L. Prokushev. Moscow, Nauka; Golos Publ., 1997. Vol. 5, ed. and comment. A.N. Zakharov, S.P. Koshechkin, E.A. Samodelova, S.I. Subbotin, N.G. Iusov. 560 p. (In Russ.)
- 12 Esenin S. *Poln. sobr. soch.* [Complete works], In-t mirovoi lit. RAN, series ed. Iu.L. Prokushev. Moscow, Nauka; Golos Publ., 1999. Vol. 6, ed. S.I. Subbotin; ed. and textological comment. E.A. Samodelova, S.I. Subbotin; comment. A.N. Zakharov, S.P. Koshechkin, S.S. Kuniaev, G. Makvei, Iu.A. Parkaev, Iu.L. Prokushev, T.K. Savchenko, M.V. Skorokhodov, S.I. Subbotin, N.I. Shubnikova-Guseva, N.G. Iusov. 816 p. (In Russ.)
- 13 Esenin S. *Poln. sobr. soch.* [Complete works], In-t mirovoi lit. RAN, ed. Iu.L. Prokushev. Moscow, Nauka; Golos Publ., 1999. Vol. 7. Book 1, ed., comment. A.N. Zakharov, S.P. Koshechkin, T.K. Savchenko, M.V. Skorokhodov, S.I. Subbotin, N.G. Iusov. 559 p. (In Russ.)
- 14 Esenin S. *Poln. sobr. soch.* [Complete works], In-t mirovoi lit. RAN, series ed. Iu.L. Prokushev. Moscow, Nauka; Golos Publ., 2000. Vol. 7. Book 2, ed. S.I. Subbotin; eds. and comment. V.A. Drozdov, A.N. Zakharov, S.P. Koshechkin, S.S. Kuniaev, Iu.A. Parkaev, T.K. Savchenko, E.A. Samodelova, M.V. Skorokhodov, S.I. Subbotin, L.M. Shalaginova, N.I. Shubnikova-Guseva, N.G. Iusov, Iu.B. Iushkin. 640 p. (In Russ.)
- 15 Kleinbort L.F. *Vstrechi. Sergei Esenin* [Complete works]. *Esenin v vospominaniiaakh sovremennikov: v 2 t.* [Yesenin as remembered by contemporaries: in 2 vols.], ed. and comment. A.A. Kozlovsky. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1986, vol. 1, pp. 168–173. (In Russ.)
- 16 Kruchenykh A., Khlebnikov V. *Slovo kak takovoe* [Word as is]. Moscow, 1913. *Russkii futurizm: Teoriia. Praktika. Kritika. Vospominaniia* [Russian futurism: Theory. Practicism. Memoir], eds. V.N. Terekhina, A.P. Zimenkov. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 46–49. (In Russ.)
- 17 Kruchenykh A., Khlebnikov V. *Bukva kak takovaia. Chernovik deklaratsii* [Letter as is]. *Russkii futurizm: Teoriia. Praktika. Kritika. Vospominaniia* [Russian futurism: Theory. Practicism. Memoir], eds. V.N. Terekhina, A.P. Zimenkov. Moscow, Nasledie Publ., 1999, p. 49. (In Russ.)
- 18 *Moi vek, moi druz'ia i podругi: Vospominaniia Mariengofa, Shershenevicha, Gruzinova* [My century, my friends and girlfriends: Memoir of Mariengof, Shershenevich and Gruzinov], ed. and index S.V. Shumikhina i K.S. Iur'eva; intro. and comment. S.V. Shumikhina. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 735 p. (In Russ.)
- 19 Seregina S. "Kliuchi Marii" S.A. Esenina – "Vechnaia pesnia pered mirozdan'em" ["Mary's Keys" by S.A. Esenin – "Eternal song in front of the universe"]. *Russkaia slovesnost'*, Moscow, 2016, no 4, pp. 67–76. (In Russ.)

- 20 Seregina S. K tvorcheskoi istorii stikhotvoreniia S. Esenina "Pod krasnym viazom kryl'tso i dvor..." i "Tvoi glas nezrimyi, kak dym v izbe" [On the history of Yesenin's poem "Under the red elm, there is a porch and a yard"]. *Russkaia literatura XX veka. Tekstologicheskii vremennik* [20th century Russian literature. Questions in textology and sources]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, pp. 442–446. (In Russ.)
- 21 Subbotin S.I. Biblioteka Sergeia Esenina [Sergey Yesenin's library]. *Esenin na rubezhe vekov: itogi i perspektivy. Materialy Mezhd. nauch. konferentsii, posv. 110-letiiu so dnia rozhdeniia S.A. Esenina* [Yesenin at the turn-of-the-century: results and perspectives. The 110-year anniversary conference proceedings]. Riazan', Pressa Publ., 2006, pp. 331–354. (In Russ.)
- 22 Subbotin S.I. O nekotorykh istochnikakh teksta "Kliuchi Marii" S. Esenina [On some sources of Yesenin's text "Mary's Keys"]. *Russkaia literatura XX veka. Tekstologicheskii vremennik* [20th century Russian literature. Questions in textology and sources]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, pp. 231–243. (In Russ.)
- 23 Trotskii L.D. Gleb Ivanovich Uspenskii [Gleb Ivanovitch Uspensky]. *Vostochnoe obozrenie*, 1902, no 88 (18 apr.). (In Russ.)
- 24 Uspenskii G.I. *Sobr. soch.: v 9 t. 1955–1957* [Complete works: in 9 vols. 1955–1957]. Moscow, Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1955, vol. 5, pp. 5–202. (In Russ.)
- 25 Khlebnikov V. Nasha osnova (razdel "Utverzhdenie azbukii") [Our basis (section "Confirmation of the alphabet")]. *Sb. Liren'*. Moscow, 1920. Qtd in: *Russkii futurizm: Teoriia. Praktika. Kritika. Vospominaniia* [Russian futurism: Theory. Practicism. Memoir], eds. V.N. Terekhina, A.P. Zimenkov. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 63–69. (In Russ.)
- 26 Khlebnikov V. *Neizdannnye proizvedeniia: Poemy i stikhi. Proza* [Unexpected works: Poems. Fiction], Velimir Khlebnikov; ed. and comment. N. Khardzhiev i T. Grits. Moscow, Goslitizdat Publ., 1940. 492 p. (In Russ.)
- 27 Khlebnikov V. "Khudozhniki mira!" 13 apr. 1919 g. ["Artists of the World!"]. *Khlebnikov V. Sobr. soch.: v 6 t.* [Works: in 6 vols.]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2000–2006, vol. 6 (1), pp. 619–623. (In Russ.)
- 28 Shubnikova-Guseva N.I. Esenin kak teoretik natsional'nogo iskusstva (k postanovke problemy) [Yesenin as theoretician of national art]. *Nasledie Esenina i russkaia natsional'naia ideia: sovremennyi vzgliad. Materialy Mezhd. nauch. konferentsii* [Yesenin's heritage and Russian national idea: modern perspective. International conference proceedings], eds. O.E. Voronova, A.N. Zakharov. Riazan', Riaz. gos. un-t imeni S.A. Esenina Publ., 2005, pp. 42–62. (In Russ.)